

— Ну как, уже пришел в себя? Если нет, я могу тебе помочь, — сказал Чжао Умянь.

— Как? — удивился Чэн Ваншу.

— Вырву тебе язык, — ответил Чжао Умянь.

— Эй! Успокойся! Просто успокойся! Во мне находится гу-мать. Если ты вырвешь мне язык, то почувствуешь ту же самую боль, что и я!

Голос Чжао Умяня прозвучал совершенно бесстрастно.

— Думаешь, я не смогу вынести такой пустяк, как боль от вырванного языка?

Чэн Ваншу: "..."

В этот миг он не знал, стоит ли ему испытывать страх или сочувствие!

Чэн Ваншу попытался договориться с ним.

— Давай все обсудим мирно и спокойно. Не нужно пускать в ход силу. Сначала отпусти меня, я все равно не смогу сбежать. Я расскажу тебе все по порядку. Что скажешь?

Чжао Умянь некоторое время пристально всматривался в глаза Чэн Ваншу. Убедившись в том, что тот не задумал какую-нибудь хитрость, он убрал руку, отпустив его запястья.

Чэн Ваншу потер покрасневшую кожу на запястьях, вздохнул с облегчением и, приподнявшись, сел на постели напротив Чжао Умяня.

В глазах Чжао Умяня промелькнул свирепый блеск.

— Говори!

— Хорошо, хорошо, уже начинаю, — затараторил Чэн Ваншу, пытаясь его успокоить.

Его темные, как кляксы туши, зрачки слегка забегали, и он спросил:

— Ты готов к тому, что твое представление о мире разлетится вдребезги?

— Не морочь голову. Выкладывай все немедленно.

У Чэн Ваншу дернулся уголок рта, и он подумал про себя: "Я вовсе не пытаюсь морочить голову, просто не знаю, с чего начать".

После долгих раздумий Чэн Ваншу начал медленно и обстоятельно излагать историю о том, как он умер и перенесся в книгу. Также он во всех подробностях пересказал сюжет новеллы "Божественный путь культивации".

Он тщательно подбирал слова, стараясь объяснить все как можно понятнее. Таким образом, он проговорил весь остаток ночи, пока первые лучи солнца не коснулись карнизов крыши.

Когда Чэн Ваншу наконец замолчал, в комнате наступила такая тишина, что можно было бы услышать, как упала иголка.

Даже Чжао Умянь, который объездил полмира и многое повидал на своем веку, услышав

объяснения Чэн Ваншу, почувствовал сильное желание закричать: "Какой абсурд!"

Однако он мог слышать мысли Чэн Ваншу и поэтому точно знал, что тот ему не лжет.

Чжао Умянь сидел, опустив голову. Его глаза расширились, зрачки слегка сузились, а грудь прерывисто вздымалась от учатившегося дыхания, пока он прокручивал в голове слова Чэн Ваншу. Бушующие волны, скрытые за этими на первый взгляд простыми фразами, захлестнули его с такой силой, что у него зазвенело в ушах и потемнело в глазах.

Лишь когда за окном раздалось мелодичное щебетание птиц, нарушившее тишину в боковых покоях, Чжао Умянь медленно поднял голову и посмотрел на Чэн Ваншу.

— То есть ты хочешь сказать, что все события моей прошлой жизни были описаны в книге? Я — всего лишь персонаж с ее страниц, моя судьба заранее предрешена, и все, что мне пришлось пережить — это всего лишь ее сюжет? — спросил Чжао Умянь.

Он произнес эти слова крайне медленно, с долгими паузами, словно долго обдумывал каждое слово.

Чэн Ваншу осторожно кивнул. Услышав от Чжао Умяня слова "прошлая жизнь", он сразу же догадался, как тому удалось достичь ступени Золотого ядра всего за несколько месяцев.

— Тогда что со мной стало в конце книги? — снова задал вопрос Чжао Умянь.

— Когда со мной... произошло несчастье, до конца новеллы оставалось всего несколько глав. Но я уверен, что главный герой Ли Цимин и его спутники тебя наверняка... в общем, они тебя... тебя...

Чжао Умянь закончил за него фразу, которую тот не смог заставить себя произнести:

— Убили.

Чэн Ваншу неловко почесал затылок.

— Ну да... злодеи всегда так заканчивают. Но ты не расстраивайся, Мян-Мян! Ты самый красивый и крутой из всех злодеев! И по популярности тоже опережал почти всех персонажей в книге! И даже дожил до самого конца истории!

Чжао Умянь: "..."

Чэн Ваншу осознал, что его попытка утешить прозвучала несколько неуместно, и от смущения издал пару неестественных смешков.

Чжао Умянь снова замолчал. Тишина показалась Чэн Ваншу такой долгой и глубокой, словно он был камнем, бесшумно погружающимся в бездонную темную пучину.

Чэн Ваншу даже вздохнуть лишний раз не смел из страха, что еще одно потрясение окончательно сведет Чжао Умяня с ума. Хотя Мян-Мян с самого начала был немного безумен, но ведь сейчас он неожиданно узнал, что является всего лишь персонажем книги — кто такое выдержит?!

Неизвестно сколько прошло времени. Когда руки и ноги Чэн Ваншу уже совсем затекли, Чжао Умянь внезапно заговорил.

— Какой вздор, — сказал он.

Чэн Ваншу обрадовался тому, что тот наконец соизволил открыть рот, но не понял смысла этих двух слов.

— Что?

И тогда он увидел, как выражение лица Чжао Умяня полностью переменялось.

Шок на его лице постепенно сменился спокойствием. В прекрасных глазах феникса осталась лишь насмешка и пренебрежение.

Чжао Умянь холодно отчеканил:

— Какая еще книга, какой сюжет? Нелепый вздор. Предопределение, судьба, воля Небес — я во все это не верю. Я сам определяю свою жизнь и никому не позволю ее очернять!

Услышав это, Чэн Ваншу в оцепенении застыл.

А затем в его ушах словно раздался громкий звон колокола, от которого его сердце бешено забилося.

Чэн Ваншу вдруг вспомнил, за что полюбил Чжао Умяня.

За это безрассудство. За эту непокорность.

Потому что в этом мире те, кого тянет друг к другу, всегда похожи.

Перед тем как с ним случилась беда, бесчисленное множество людей пыталось его остановить, уговаривая из лучших побуждений: "Не берись за это дело, не высывайся. Лбом стены не прошибешь, тем более что ты выступаешь против фигуры недостижимой величины. Можешь даже жизни лишиться".

Но Чэн Ваншу тогда ответил: "Не хочу быть трусом, который, как черепаха, прячет голову в панцирь. Я хочу побороться".

<http://bllate.org/book/16983/1608550>